

ШАНС

Зарубежные агентства сообщили: "После смерти Бродского четыре русских поэта были номинантами Нобелевской премии в области литературы — это Белла Ахмадулина,

Геннадий Айги и Генрих Сапгир. В этом году номинантом стал поэт Константин Кедров".

Корреспондент "МК" поговорила с ним по душам.

КТО ПОСЛЕ БРОДСКОГО?

— Константин Александрович, как ты встретил это сообщение?

— Конечно, испытал радость. Кто в душе не считает, что когда-нибудь это должно произойти?

— Это как-то нескромно...

— Скромность — вещь хорошая. Но в области человеческого духа эта категория не играет никакой роли. То, чем я занимаюсь, выше мелких человеческих слабостей. Поэзия дарует человеку ощущение бессмертия.

— Твои строчки "бессмертие — здесь и сейчас" многие воспримут как высокомерие. А между тем ты говоришь о возможностях каждого человека. Ты знаешь, кто лично тебя номинировал?

— Нет. Поскольку выдвигать в номинанты имеют право только лауреаты Нобелевской премии. Могу строить предположения. К сожалению, уже нет нобелевца Пригожина, он мог бы рекомендовать меня, поскольку в позапрошлом году я выступал в Сорбонне. Мое выступление переведено на французский язык. Я говорил о русско-французском фестивале поэтов. Итогом была совместная книга современной русской и французской поэзии. Мои стихи просто блестяще были переведены на французский. Да и японцы раньше всех откликнулись на мои идеи, которые звучали в моей книге "Поэтический космос". Она не была допущена к русскому читателю.

Есть у Гете в "Фаусте" парадоксальное суждение: "Я часть той силы, которая, творя зло, неожиданно делает добро". Меня радует: наконец-то обратят внимание на то, что Россия — страна вовсе не новых русских, она не просто скважина с нефтью. Россия удивляла и удивляет весь мир поэзией, литературой, мыслью своей. Судьба нашей литературы в XX веке была, конечно, трагичной. Одних писателей, поэтов, философов уничтожили, других сослали. Меня осудить не успели — уже рухнула советская власть.

— А ты тогда еще преподавал в Литинституте?

— Я к тому времени уже был отстранен от преподавания. Идеологическая полиция завела на меня дело.

— Константин Кедров не был диссидентом. Правда, тебе приписывали антисоветскую пропаганду и агитацию.

— По 74-й статье мне грозило 7 лет тюрьмы.

— Наверное, космическая энергия твоего стиха тебя защитила.

— Я уверен, что энергия стиха сильнее, чем термоядерная.

— Не дай бог, ударит эта термоядерная...

— А вот она не ударит, потому что есть поэзия. Она воздействует. И ограждает, как и заклинания, заговоры. Это не шутка. Человечество в течение тысячелетий своего разумного существования верило в силу слова. Убежден: от России много раз отводили беды ее великие поэты. И мне, надеюсь, удастся внести в это свой посильный вклад своими стихами.

— Костя, в книге "Метафора" ты говоришь о поэзии предшественников — Державина, Ломоносова, Маяковского, Хлебникова, Блока. Но вот странно: нобелевский лауреат Иосиф Бродский уничтожил говорил о Блоке.

— Каждый человек имеет право любить и не любить кого-то. Не берусь судить Бродского. Думаю, ему просто не был близок космизм в поэзии Блока. Могу отвечать только за себя и скажу: я принадлежу к людям блоковской системы. Но поэзия моя совсем другая. Она — продолжение русского футуризма. Мое имя в поэзии связано с одним определяющим словом — метаметафора, с делами вселенскими. "Мета" — значит "после". А что значит "после"? Материальный мир видим, слышим, чувствуем. А тот, другой — неслышимый и невидимый простым взглядом, — он "мета". Он громаден. Здесь, на земле, — мгновенно. Там — всегда.

— Там уже все ушедшее человечество.

— Ну, конечно. Но, увы, людям привычнее обращать внимание на то, что здесь и вокруг, — по штампам материалистического сознания.

— А тем не менее еще в школе учили называть Ломоносова "Открылась бездна звезд полна. Звездам числа нет. Бездне — дна".

— Кстати, мой двоюродный дед, художник Павел Челищев, в эмиграции, в Париже, в 28-м году ставил оды Ломоносова "Утреннее размышление о Божием величии" и "Вечернее размышление...". Набоков писал сценарий. Гертруда Стайн высоко оценила этот балет, хотя зритель мало что понял: люди в том балете похожи на звезды. Кстати, танцевал там Лифарь. К счастью, сейчас наконец стали доступны картины Челищева — одна появилась наконец в Третьяковке. Я вижу в картинах родственника мои образы и удивляюсь совпадению наших догадок.

— Это гены.

— Я называю это метакодом. Все это звездами написано на небе и генетически живет в нас самих. Язык все соединяет. А поэзия — преобразование языка, мирового, вселенского. Бытовой язык лишь часть этого языка. На этом языке и пытаюсь разговаривать. Я толмач — переводчик со звездного на земной. В 96-м году, в Институте философии я получил звание доктора философских наук.

Самые восторженные отзывы о поэзии Кедрова я встречала в высказываниях академиков. С.П.Капица обнаруживает в поэзии Кедрова, в самой полной его книге "Или", "суперпозицию": "Сейчас это квантовое, так называемое смешанное состояние стало основой целого направления современной электроники и вычислительной техники. И, с моей точки зрения, это сильно связано с тем расширением нашего мыслительного понятия, которое найдено Кедровым в эксперименте над языком, над смыслом, над содержанием". Академик РАН А.Гусейнов назвал коротенькое стихотворение Кедрова шедевром: "Земля лете-

ла по законам тела, а бабочка летела, как хотела". Обобщение академика экспрессивно: "Это действительно гениально. И смысл, и звук".

— Могу похвастаться, меня понимают и ценят умные тонкие женщины. Вот это моя аудитория.

— Скажи откровенно, кроме чуткости и ума что ты ценишь в женщине?

— Женственность, тонкость, доброту. Есть, конечно, другие свойства, но я их не вижу. Считаю женщину высшим существом. Одоевцева считала мужчин низшими существами, низшей расой. Она говорила это при мне, а потом, как бы извиняясь, добавила: "Вы ж понимаете, о ком я говорю?" Я улыбнулся.

— А когда ты с ней встретился?

— В 1989 году, когда она вернулась из эмиграции. Мы с ней беседовали полдня. Мне было совершенно все равно, сколько ей лет — 90 или 19. Радуюсь возможности сказать как на духу: женщины, перестаньте носиться с возрастом. Настоящий мужчина любит, ценит, уважает женщин всегда, во все времена. У настоящей женщины возраста вообще нет. Не знаю, почему женщины так боятся возраста. Сколько бы вас ни вколачивали в землю, вы всегда останетесь сами собой. Если душа у вас прекрасна — все в вас на месте. И неправда, что все мужчины смотрят только на ноги. Может быть, они только высказываются примитивно.

— Ну что ты такой строгий. Стройные ноги — это же действительно хорошо.

— Скажу тебе честно, я взбешен был пушкинскими строчками о ножках, возмущен, что на всю Россию две пары красивых женских ног. Это не чутко.

— Костя, ты не прав. Ведь это же не собственная авторская речь, это лирическое отступление, достойное золотой молодежи и Онегина.

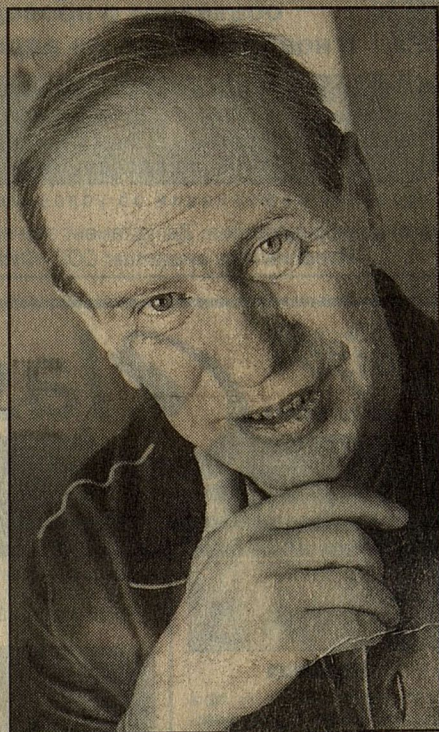
— По-моему, поэт должен видеть в человеке все.

— Но ты на что прежде всего обращаешь внимание?

— Для меня важнее глаза. В них — душа.

— На одном из твоих поэтических вече-

Поэт Константин Кедров выдвинут на соискание Нобелевской премии-2003



АЛЕКСАНДР АКИНОВ

ров я понаблюдала за твоей женой, поэтессой Еленой Кацюба, и была поражена — в ее облике словно бы воскресла герцогиня Альба, какой ее запечатлел великий Гойя.

— Потрясающе!

— А ты разве не заметил?

— Заметил, да не признавался. Действительно, можно подумать, что она из знатного рода. Но папа ее — донской казак, а мама — преподавательница языка, очень чуткая к литературе. Так что Лена не воспитанница института благородных девиц.

— Как чувствует себя твоя "герцогиня", когда ей, такой пышноровой, приходится сочинять обед на вашей маленькой кухне?

— Она это делает так виртуозно и непредсказуемо, как и пишет. Так же вкусно. А ее бабушка заметила как-то: интеллигентная женщина всегда лучше приготовит суп, чем кухарка. Так что государством должны управлять не кухарки, а интеллигентные женщины.

— Поглядывай на наших думских дам, и станет кисло и скучно.

— Не будем говорить о грустном, чтобы не испортить настроение читателю: ведь и ему, должно быть, приятно, что замечают русского автора.

— Но особенно приятно будет женщинам. Твоя "ПОЭМА Зверья" написана истинно влюбленным. Любовный акт осмыслен философски и, безусловно, чувственно: "Я привит к твоей нагоде, как черенок к подвою". Кого из великих любовников ты особенно ценишь?

— Безумно люблю Спинозу: "Шлифователь алмазов, Бенедикт Спиноза доказал идентичность понятий "алмаз" и "разум". Грани разума — грани алмаза. Ум алмазообразен. Когда в спектральных муках взгляд блаженствует, сквозь линзы множась, влажнеет девичий алмаз в ладонях нежного Спинозы".

— Из всех человеческих грехов какой кажется тебе неприятнее всего?

— Высокомерие. Оно прижилось и в современной России. Приезжаешь в Европу — там никто и не нигде этого качества не проявляет. Демонстрировать высокомерие неприлично так же, как не застегнуть пуговицы на интимных местах. А здесь это норма жизни. Хотя бы научились скрывать свои недостатки. У нас их демонстрируют. Когда показывают тех, кто над нами, они даже из этого "ящика" смотрят на нас, как на букашек. Это ужасно, мерзко, не достойно человека...

— Какая тема тебя не отпускает?

— Пишу поэму. Хочу выразить мысли о жизни и смерти. Это естественное желание. У нас господствовало бодрящее, оптимистическое сознание. А Гегель, например, говорил: "Человек потому человек, что он, в отличие от всего живого мира, осознает свою смерть. Это дает ему свободу. Человек — это ночь, смотрящая в себя своими черными глазами".

— Но это почти стихи Кедрова!

— Сам-то я у Гегеля недавно встретил. И поразился... Правда, сейчас эта мысль Гегеля звучит по-иному.

— Когда объявят лауреатов Нобелевской премии?

— 15 октября назовут.

— Надеюсь, это будет русский поэт.

Наталия ДАРДЫКИНА.